

Председатели в колхозном социуме Западной Сибири в 1930-е годы: практики коадаптации и дезадаптации¹

В. Б. Лапердин

Вячеслав Борисович Лапердин, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: laperdin2011@mail.ru

Аннотация. В представленной статье речь идет о роли председателя в колхозном социуме. Являясь центральной фигурой в колхозе, председатель во многом определял степень консолидации колхозников. Одновременно он сам являлся «порождением» окружающей социальной среды, а его поведение зачастую наглядно отражало атмосферу в коллективе. Став во главе колхоза, председатель реализовывал заложенные в коллективе возможности. В доброжелательной атмосфере руководитель эффективно действовал на благо всего коллектива. При конфликтных отношениях ему удавалось легче преследовать собственные интересы. Адаптация крестьянства к колхозному социуму протекала внутри колхозных коллективов и ее успешность зависела от взаимоотношений между односельчанами и их главой. Вместе с тем процесс коадаптации председателей и колхозных коллективов также определялся социальной средой. В благоприятной обстановке как крестьяне, так и председатели колхозов успешно приспосабливались к новым условиям жизни. Напротив, в ситуации конфликта происходила дезадаптация председателей и распад трудового коллектива, который терял способность к хозяйственной деятельности и плодотворному социальному взаимодействию. Представленные в статье материалы наглядно иллюстрируют ключевую роль председателей в колхозных коллективах, а также взаимодействие с ними, отражавшееся на хозяйственном уровне, отношении крестьян к колхозу и на характере рабочего и межличностного общения колхозников.

Ключевые слова: аграрная история, колхозы, крестьянство, колхозный социум, председатель, адаптация, Сибирь

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-4-144-158

Осуществленная государством в 1930-е годы коллективизация советской деревни до неузнаваемости изменила сельский социум. Постепенно, десятилетиями протекавший процесс раскрестьянивания получил мощный импульс. На смену крестьянству приходила новая общность сельских жителей, в основной массе состоявшая из колхозников, рабочих совхозов и МТС. Колхозный социум

1. Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ проект № 24-28-00100, «Социальная адаптация сибирского крестьянства в конце 1920-х — первой половине 1960-х гг.: механизмы, формы, итоги».

вытеснил сельскую общину, установив в деревне принципиально иные производственные отношения и социальную структуру. Теперь ее возглавлял председатель колхоза, опиравшийся в своей работе на членов правления. Данные социальные изменения уже длительное время приковывают внимание исследователей советской деревни, а проблема изучения председателей неоднократно поднималась в различных работах. В советской историографии они рассматривались в качестве новой профессиональной группы в коллективизированной деревне. В соответствии с данным подходом применительно к 1930-м годам исследовались такие вопросы, как формирование председательского корпуса, текучесть кадров, их обучение и профессиональные навыки, количественная характеристика и ряд других. В советский период изменения социальной структуры объяснялись возникновением новых форм производства, что обосновывалось на общесоюзных (Арутюнян, 1971) и региональных материалах, в том числе сибирских (Гущин, Кошелева, Чарушин, 1975; Крестьянство Сибири..., 1985). Данный подход имеет свои преимущества, он позволяет оценить количественные и качественные показатели колхозных управленцев.

В 1990-е годы работы Н. А. Ивницкого, В. П. Данилова, И. Е. Зеленина заложили новую историографическую традицию исследования советской деревни, согласно которой социально-профессиональная дифференциация колхозного социума отходила на второй план и сводилась к «дифференциации бедности» (Данилов, 2011; Зеленин, 2006; Ивницкий, 2000). Основное внимание уделялось изучению причин низкого уровня жизни, в первую очередь аграрной политики государства. Любые различия внутри колхозной среды стирались, главной целью становилось выявление отношений между государством и крестьянством. Впоследствии многие исследователи рассматривали данную проблему именно в такой ее формулировке.

Впрочем, существуют иные попытки ревизии советской историографии. Ш. Фицпатрик считает председателей новой для советской деревни привилегированной профессиональной группой, заинтересованной в улучшении своего статуса (Фицпатрик, 2011). М. А. Безнин и Т. М. Димони предложили собственную интерпретацию дифференциации колхозного общества, в которой профессиональные группы выступают в роли отдельных социальных классов со своим специфическим самосознанием (Безнин, Димони, 2010). Несмотря на критику, их концепция нашла сторонников. Так, Л. В. Изюмова исследует колхозное крестьянство Европейского Севера России, используя данную методологию (Изюмова, 2010). М. Н. Глумная, проведя анализ изменений в управленческом аппарате колхозов, пришла к иному выводу (Глумная, 2011). Руководящий персонал, в том числе председатели, по ее мнению, является профессиональной группой, а не отдельной социальной категорией, как считают М. А. Безнин и Т. М. Димони.

В данной статье на основе материалов по Западной Сибири предпринята попытка охарактеризовать положение председателей в колхозном социуме и раскрыть проблемы их взаимоотношений с колхозным коллективом. Для этого будут использованы источники, в основном относящиеся к середине 1930-х годов. Впрочем, выводы исследования вполне можно распространить на все десятилетие в целом, так как положение колхозного руководства в это время оставалось практически неизменным.

После получения руководящей должности одной из основных проблем для председателей становилось сохранение достигнутого положения. Угрозы исходили как со стороны государственных организаций, так и изнутри — от односельчан. Колхозное руководство могло быть снято местными властями в ходе регулярных чисток, при невыполнении планов сельскохозяйственных кампаний или просто как не справившееся с задачей по укреплению коллективного хозяйства. Особый интерес представляют примеры внутриколхозных конфликтов, целью которых становилось улучшение положения в коллективе. Не стоит недооценивать их важность и остроту, сводя проблему к рассмотрению обычных деревенских склок. За ними стоят такие интересные для исследователей вопросы, как изучение мобильности колхозного социума и проблема адаптации крестьянства к коллективизации. Кроме того, в повседневной жизни самих колхозников подобные конфликты играли значительную роль. Нельзя списывать со счетов степень накала страстей и последствия разворачивающихся драм. Так, например, 29 января 1935 года покончил жизнь самоубийством член ВКП(б), председатель колхоза «Восток» Крапивинского района. Расследование установило, что до суицида его довели недоброжелатели во главе с предшественником, ранее занимавшим председательскую должность, и действующим заместителем². Мотивом стала борьба за положение внутри сельхозартели.

В документах, характеризующих ситуацию на местах, часто упоминается бесхозяйственность колхозной администрации. Пренебрежительное отношение к своей работе со стороны правления приводило к дезорганизации колхозного производства и снижению его эффективности. Как следствие, колхоз выполнял с трудом или же вовсе не справлялся с государственными обязательствами, не засыпал семенные фонды и не выдавал полагающиеся колхозникам на трудодни хлеб и продукты. Нередко халатное отношение к своим обязанностям сопровождалось нарушением прав рядовых колхозников. В такой ситуации могло возникнуть недовольство, а затем оппозиция колхозному правлению.

Наиболее яркие примеры подобных случаев можно найти в документах по чистке колхозов северных районов Западно-Сибир-

2. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-3. Оп. 9. Д. 954. Л. 171-172.

ского края в 1936 году, инициированной ЦК ВКП(б) и Западно-Сибирским крайкомом (Лапердин, 2019). Таежное положение и удаленность от районных центров стали причиной слабого контроля над сельхозартелями со стороны местных властей. Пробившиеся к управлению колхозные группы избирали нужных им председателей и в условиях отсутствия постоянного надзора сверху использовали свое положение в личных целях. Как следствие, в колхозах отмечалась не только бесхозяйственность, но и злоупотребления в отношении рядовых колхозников со стороны администрации. Такое поведение имело определенное обоснование. Ущемление прав участников проигравшей группы победителями являлось мстью своим оппонентам и вместе с тем актом устрашения всех остальных. Подобное публичное самоутверждение демонстрировало власть нового председателя и его приверженцев. Недовольство членов сельхозартелей начальством было использовано комиссиями по чистке для устранения политически неугодных или некомпетентных председателей и членов правления.

Нередко власти вмешивались в процесс выбора руководства. Регулярное смещение не устраивающих местные партийно-хозяйственные организации председателей, их перевод в другие колхозы, многочисленные чистки и репрессии предоставляли случай группам односельчан расправиться с конкурентами и занять их положение. Порой желанию воспользоваться удобной возможностью для сведения счетов внутри колхозных коллективов не могли ничего противопоставить даже представители власти. Кампания по чистке колхозов северных районов Западно-Сибирского края в 1936 году является ярким тому примером. Данная акция предполагала проверку членов колхозных правлений для выявления и устранения политически неблагонадежных. Однако в ходе ее проведения на местах первоначальные цели претерпели сильные изменения. Прибывшие в колхозы районные комиссии имели дело с коллективами, желающими снять неугодных председателей, даже если за ними не было замечено антисоветских действий. Исходная задача кампании, в первую очередь имевшей политический смысл, трансформировалась в широкую по своим масштабам чистку колхозных кадров. В ходе общих собраний колхозники снимали с занимаемых должностей, изгоняли из артелей или переводили в рядовые рабочие председателей и членов правлений. Крайком партии попытался направить деятельность комиссий в нужное русло, настаивая на исключении из колхозов только классово чуждых элементов. Иначе политическое значение проверки руководящих колхозных кадров, по мнению краевой номенклатуры, «смазывалось». Колхозники должны были уяснить политический смысл данной кампании, а не превращать ее в расправу над неугодными односельчанами. Районные власти в ответ оправдывали свои действия желанием самих колхозников навести порядок в хозяйстве, избавившись от слабого руководства. Секретарь Пихтовского райкома следующим образом

объяснял свою позицию: «При проверке руководящих кадров в колхозах были случаи снятия с работы людей, не обеспечивающих выполнение возложенных обязанностей, но это получалось не по инициативе комиссии, а по инициативе общих колхозных собраний. Снятые с работы решениями общих собраний являются главным образом пьяницы, неисправимые разгильдяи, бездельники, о которых колхозники сами выносили решение снять с работы. Я не знаю, как могла иначе поступить комиссия, как не согласиться с решением колхозного собрания, когда колхозники настаивают их снять. Следовательно, в части исправления (согласно вашего указания) этого вопроса также я не знаю, как поступить. Как можно сейчас настаивать перед колхозниками восстановить их на прежней работе, если они заведомо негодные работники и их не хотят держать на руководящей работе сами колхозники»³.

Подводя итог данного сюжета, можно сделать вывод, что комиссии по чистке, осуществляя выявление антисоветских элементов, открыли ящик Пандоры. Целые колхозные коллективы или отдельные крестьянские группировки кинулись сводить счеты с негодными председателями и членами правления. Накопившиеся за долгое время противоречия между колхозниками разрешились благодаря вмешательству властей. Хотя последние даже не стремились вступать во внутрисельские склоки и не ожидали подобного эффекта.

При слабой консолидации коллектива оторванность руководства от основной массы колхозников приводила к хозяйственной дезорганизации, злоупотреблению властью и росту общего недовольства. Если по каким-либо причинам оппозиция правящей верхушке не возникала (не было лидеров или ее появлению мешала старинная вражда между односельчанами), то негативное отношение колхозников к начальству приводило к росту числа прогулов и выходов из колхоза. При проверке колхоза им. Сталина Усть-Тарского района в 1936 году был исключен и привлечен к уголовной ответственности председатель «Евдокимов за проявление грубого отношения с колхозниками, безразличное отношение к лучшим стахановцам, ударникам, за систематическое пьянство, сопровождающееся семейными скандалами, все это привело к потере трудовой дисциплины в колхозе, колхозники зачастую не выполняют распоряжений предколхоза»⁴. Следствием безалаберности со стороны руководства и отсутствия интереса к общественному труду колхозников стал увеличившийся падеж скота. Что негативно отразилось на финансовом состоянии артели и размере трудодня. Не видящие перспектив развития коллективного хозяйства колхозники начали игнорировать указания председателя и перестали выходить на работу. По сообщению местных партийных органов, после исключения Ев-

3. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1с. Д. 766. Л. 693.

4. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1с. Д. 766. Л. 767.

докимова дисциплина резко повысилась, а внутриколхозным отношениям был дан новый стимул.

В 1934 году Кемеровский горком докладывал Западно-Сибирскому крайкому о тяжелой ситуации в сельхозартели «Путь Ленина», где за год было исключено или вышло по собственному желанию 47 хозяйств. Проверяющая комиссия установила, что основной мотив бегства колхозников — бездушное отношение к ним председателя и его заместителя: «Петрушин и Кашеваров не проявляли никакой заботы о нуждах колхозников. Елин (старик 58 лет) просил перевести его с трудной для него работы на более легкую, но Кашеваров ответил: “Сдохни, но работай”. Подобных примеров много, абсолютно у всех выходцев, неправильно исключенных из колхоза, мнение такое: “Уберите Кашеварова и Петрушина, в колхоз пойдем”»⁵. В данном случае причиной отстранения стало пренебрежительное отношение к колхозникам, вызвавшее рост числа выходов, что, в свою очередь, привлекло внимание Кемеровского горкома. Таким образом, поведение колхозного руководства, ведущее к несогласию коллектива, спровоцировало их замену и арест.

Колхозники далеко не всегда восставали против неугодного начальства. При отсутствии организованной оппозиции и сплоченности руководящего ядра рядовые члены нередко боялись высказывать свое мнение. В 1936 году проводившая чистки в Шегарском районе комиссия отмечала: «Во многих колхозах чувствовалась боязнь открытых выступлений против проверяемых. Отдельные колхозники, не желая выступать, подавали письменные заявления в комиссии. Так, например, в колхозе Буденного боялись выступать против пьяницы и хулигана зам[естителя] председателя правления Булычева, снятого комиссией с работы и отданного под суд. Подано 10 заявлений. В колхозе “Трудовой сибиряк” колхозники так заявили, если откровенно выступить против руководителей, потом горя не оберешься»⁶.

Проблема подобных колхозов заключалась не только в оторванности руководящей группы от основной массы. Зачастую односельчане-единоличники, видя царящие в колхозе порядки, отказывались вступать в него. Формировалось негативное отношение к коллективизации и жизни в сельхозартелях среди сельского населения. Ведение индивидуального хозяйства даже в условиях сильнейшего экономического давления со стороны государства казалось лучше вступления в неблагополучный колхоз. Как следствие, отсутствовал приток новоприбывших активных членов. Подобные отношения отражались на уровне коллективизации и привлекали внимание властей. По сообщению, поступившему в Западно-Сибирский крайком из Барабинского района, «колхоз имени Чапаева организован в 1929 году, но с 1929 года по 1935 год в связи с неудач-

5. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 512. Л. 159.

6. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 701. Л. 221 об.-222.

В. Б. Лапердин
Председатели
в колхозном социу-
ме Западной Сиби-
ри в 1930-е годы...

ным подбором руководящих кадров в колхозе состояло всего 37 дворов, остальные 220 хозяйств оставались единоличниками. Почему так долго затянулась коллективизация в деревне Старо-Карапуз, где неудачно подобранное правление колхоза не занималось организационно-хозяйственным укреплением колхоза, а время проводило в пьянке, в растаскивании колхозного добра и издевательствах над отдельными колхозниками. Все это классовые враги деревни Старо-Карапуз использовали для агитации против колхоза. В результате чего беднота и середняки боялись идти в колхоз и только в 1935 году вступили в колхоз. 1935 год мало чем отличался от предыдущих годов. Председатель колхоза, кандидат ВКП(б) АРТЕМОВ занимался пьянством, многоженством, присвоением колхозных средств и вместе с парторгом ДРУЖИНИНЫМ устраивали скандалы, вплоть до применения оружия к взрослым колхозникам и избияния малолетних детей»⁷. В 1935 году произошло усиление налогового нажима государства на крестьянство. Данный случай показателен тем, что только ужесточение аграрной политики заставило единоличников пойти в столь неблагоприятную сельхозартель.

Далеко не всегда причиной отстранения председателя становились плохие взаимоотношения с колхозниками или бесхозяйственность. Ограниченное количество административных должностей и большое число желающих их занять претендентов стало фактором возникновения высокой конфликтности в колхозном социуме. Ситуация ухудшалась из-за ограниченных материальных средств колхозов, так что руководство не всегда имело возможность обеспечить даже своих родственников и приближенных. В условиях скудных ресурсов и широкого круга лиц, за них конкурировавших, в колхозных коллективах возникали групповые конфликты с целью борьбы за достижение более высокого положения во внутриколхозной иерархии. Ситуация обострялась в периоды неурожая и повышения хлебозаготовительной нагрузки на деревню. Назначенный в 1935 году на должность председателя сельхозартели «Общий труд» Северного района член ВКП(б) Ивкин столкнулся с оппозицией, состоявшей из местного актива и комсомольцев, ранее управлявших колхозом и имевших связи с органами правопорядка: «Эта группа до моего приезда руководила колхозом <...> хорошо работающих колхозников подсаживали и клеветали, писали разные ложные сведения в милицию на тех колхозников, которые выступали против этой группы вредителей, даже честных колхозников судили»⁸. Хотя нового председателя и комсомольскую ячейку должна была объединить пробольшевистская политическая ориентация, между ними началась вражда. Вероятней всего, причиной стало тяжелое хозяйственное состояние колхоза, два года подряд

7. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 634. Л. 25.

8. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 830-830 об.

испытывавшего неурожай. Ухудшившееся материальное положение заставило колхозников распродавать скот и одежду. В условиях ограниченных ресурсов назначение на ключевую должность человека со стороны стало причиной конфликта. И находившаяся ранее наверху колхозной иерархии комсомольская группа повела борьбу за утраченное «хлебное» место.

Вышеприведенные материалы наглядно демонстрируют примеры злоупотребления служебным положением со стороны колхозного руководства и различные модели поведения рядовых членов коллектива, сталкивающихся с произволом. Подобные условия складывались далеко не во всех колхозах. Нередки случаи и нормальных деловых отношений между колхозниками и администрацией. Рабочая атмосфера в таких хозяйствах была здоровой, а члены правления пользовались доверием со стороны односельчан. Впрочем, и здесь встречались свои смутьяны, находившие повод для недовольства либо желавшие продвинуться вверх по колхозной иерархии. В сельхозартеле им. Максима Горького Шегарского района председатель ревизионной комиссии Пронин «вел игру» против главы колхоза, добиваясь исключения вместе с ним всех русских семей, после чего в колхозе остались бы только представители мордовской национальности. «Некоторым колхозникам Пронин заявлял так: председатель у нас парень крепкий, если мы ему сейчас при проверке не свернем голову, то он нам свернет, нам надо создать свой мордовский колхоз, чтобы можно было жить спокойно»⁹. Районная комиссия установила как минимум четверых поддерживающих Пронина колхозников. На общем собрании проверяющие акцентировали внимание на разжигании межнациональной вражды и распространении стороной конкурентов порочащих председателя слухов. В итоге Пронина сняли с должности главы ревизионной комиссии, хотя и оставили в колхозе. Неудавшийся переворот стоил ему места. Впрочем, возмутителю спокойствия крупно повезло оказаться в миролюбивом коллективе. «Колхозником Стекольщиковым было внесено предложение исключить Пронина из колхоза. За исключение голосовало 14 чел[овек], 3 голосовало против и 61 воздержалось. Воздержавшиеся заявили: раз Пронин дал слово комиссии, что он честно будет работать и исправит свои ошибки, пусть останется и докажет это на деле, а исключить его всегда будет не поздно»¹⁰. В данном случае колхозники поддержали председателя, но и не стали серьезно наказывать его противника. Гашение конфликтных ситуаций в сельском обществе было так же естественно, как и сами конфликты. Подобная позиция большинства создавала наиболее благоприятную атмосферу в колхозном социуме.

9. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 701. Л. 222.

10. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 701. Л. 222 об.

В сплоченных коллективах руководитель колхоза являлся выразителем общих интересов, а члены правления становились его доверенными лицами. Можно предположить, что в таких колхозах чаще всего утаивали урожай от властей, производили сверхнормативное авансирование, распределяли хлеб по едокам, а не выработанным трудодням. Без поддержки односельчан колхозная администрация просто не смогла бы скрывать подобные действия от проверяющих органов. Особым уважением и защитой со стороны колхозников пользовались руководители, допуская хозяйственные нарушения во благо всего коллектива. Даже если они были связаны с обманом государства и уголовно преследовались. В 1936 году «в колхозе им. Кирова Венгеровского р[айо]на комиссией вскрыта засоренность руководящего состава колхоза: пред[седатель] колхоза Прокопьев — кулак, счетовод Баранов — колчаковский доброволец, бригадир Макеев — колчаковский доброволец, кладовщик Лобков — родственник кулака. Указанные выше лица, будучи связаны круговой порукой, во время хлебозаготовок умышленно сдавали государству худший, зараженный плесенью хлеб, сдавали хлебопоставки за единоличников, занимались хищением, спекуляцией, срывали подготовку к севу. Несмотря на это, на общем собрании колхозники выступали в защиту указанных выше лиц»¹¹. Колхозников несколько не смущало антисоветское прошлое руководства. Возможно, им прощали прежние прегрешения за отстаивание интересов односельчан. Или в этом колхозе в принципе не любили советскую власть и в период Гражданской войны с оружием в руках выступали против нее. Подобные деревни и возникшие на их основе колхозы не являлись редкостью в 1930-е годы. Предъявить участие в антибольшевистском движении здесь можно было многим, поэтому на «колчаковскую» биографию членов правления односельчане смотрели сквозь пальцы. «Своим» председателям, пользовавшимся уважением, коллектив прощал не только халатность в работе, но и воровство. В 1936 году «в колхозе “Уралец” Венгеровского р[айо]на комиссией были вскрыты факты хищения колхозного хлеба, бездействия и срыва подготовки весеннего сева со стороны бригадира Кисант — б[ывшего] твердозаданца и кладовщика Гаврилова — разложившегося элемента. Несмотря на проведение явной срывательской работы Гавриловым и Кисант, все выступавшие колхозники стали их защищать»¹².

Порой колхозным коллективам приходилось бороться за «своих» председателей с районными и краевыми организациями. И не только в случаях, когда председателя хотели снять с должности за отстаивание интересов крестьян, провал заготовок или сверхнормативное авансирование. В 1936 году Горно-Шорский райком решил перебросить председателя колхоза «Памяти Ильича» Шарапова

11. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 709. Л. 386.

12. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 709. Л. 386

на работу в МТС и уже получил одобрение Западно-Сибирского крайкома. При этом мнение колхозников никто не спрашивал. Те же, недовольные действиями местных властей, потребовали вернуть Шарапова обратно. Его заместитель наотрез отказался исполнять должность председателя, а колхозники перестали выходить на работу. В «Памяти Ильича» воцарилось безвластие, что грозило хозяйственным провалом. Прибывшей на место районной комиссии в составе заведующего райзо, заместителя директора МТС по политчасти и инструктора райкома пришлось в течение нескольких часов созывать общее собрание. Явившиеся колхозники долгое время обсуждали вопрос об исполнении обязанностей председателя и в итоге общей массой, вопреки давлению со стороны районных властей, проголосовали за оставление Шарапова до конца уборочной кампании. Очевидно, что такой руководитель не просто обладал высоким авторитетом среди односельчан, но и являлся лидером, без которого вся хозяйственная деятельность в артели замирала. В данном случае, хотя можно говорить о недостатке инициативы среди колхозников, отсутствии других авторитетов в коллективе и неспособности принятия самостоятельных решений, тем не менее они не побоялись отстаивать свою позицию перед райкомом партии. Интересно, что мнение самого Шарапова никто не спрашивал — его судьба решалась колхозниками и местными властями¹³.

Похожий случай произошел в Кош-Агачском районе при переводе на другую работу председателя колхоза им. Куйбышева: «По вопросу отъезда тов[арища] Иванова в распоряжение райкома колхозники весьма с неохотой согласились отпустить по причинам умения его руководить колхозом, отзывчивость на нужды и запросы колхозников и товарищеская деловая обходительность с колхозной массой»¹⁴. Впрочем, дело не дошло до конфликта, и вопрос замены председателя решился достаточно быстро. Появление подобных случаев неудивительно, найти достаточно компетентного управленца, способного не только ладить с властями, но и справиться с ведением хозяйства, было не так уж просто.

Немаловажное значение имело то, откуда председатель родом: приезжий-переселенец, назначенный райкомом профессиональный руководитель или местный житель. Как правило, колхозы организовывались на основе сельских населенных пунктов. Идеальной форме коллективизации соответствовала формула «один колхоз — одна деревня». В относительно небольшом селе данное правило удавалось соблюдать, в то время как крупные приходилось разделять на два и более колхоза. Независимо от этого, колхозники зачастую знали друг друга на протяжении многих лет, иногда всю свою жизнь. Выбранный из их среды председатель также был знаком с членами коллектива еще до создания колхоза. Такой руко-

13. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 167.

14. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 766. Л. 297.

датель автоматически становился «своим». Если не для всех, то для определенной группы, в зависимости от степени сплоченности коллектива. В деревнях, где ранее не наблюдалось острых конфликтов между односельчанами, и коллективизация прошла относительно спокойно, не разобщив местных жителей, колхозники имели высокую степень консолидации. Если в процессе выбора председателя местные власти не навязывали своего кандидата, то «выдвиженец» устраивал подавляющее большинство односельчан. Впоследствии райком мог его сместить за невыполнение хозяйственных планов, или перевести на другое место работы с «повышением», тогда председателя вновь избирали сами колхозники из своей среды, если не было альтернативного претендента от райкома. Порой председателя смещали, а спустя время вновь назначали на должность. Учитывая высокий уровень текучести колхозных кадров, одни и те же люди могли сменять друг друга на руководящих позициях. Иногда это указывало на наличие внутриколхозных групп, борющихся за власть. Но в документах отмечены случаи, когда руководитель отстранялся в силу не зависящих от него обстоятельств (скажем, при желании райкома «убрать» неугодного человека).

Впрочем, смена председателя не всегда означала борьбу за положение в колхозном социуме. Секретарь Татарского райкома описывал такой курьезный случай: «У нас есть колхоз “Заря” Дмитриевского с[ельского] совета, в нем объединено 30 хозяйств. За 3 года в этом колхозе сменилось 25 председателей. Глава семьи почти каждого двора был председателем. Там считают даже неудобным, когда председатель колхоза работает больше 6-ти месяцев, там действуют по принципу „просидел три месяца на председательском месте, дай посидеть другому”¹⁵. Степень консолидации коллектива в «Заре» оказалась настолько высокой, что любой его член устраивал односельчан в роли председателя, а занятие должности являлось формальностью. Возможно, это свидетельствует о сохранении рудиментов отношений сельской общины и привычки решать основные проблемы «всем миром». Если основная власть принадлежит колхозу, то не имеет значения, кто будет ее «лицом».

Впрочем, данный случай является исключением. Власть практически всегда персонализировалась и закреплялась за определенным индивидом или группой. Прибывший в 1930 году из Ленинграда двадцатипятилетний Миронов описывал ситуацию, сложившуюся в коммуне «Заветы Ильича» Канского района. После переборски председателя на другую работу, несмотря на его высокий авторитет, коллективное хозяйство не развалилось. У бывшего лидера остались последователи, сумевшие консолидировать колхозников. Однако местные власти, найдя ошибки в их работе, решили сместить с занимаемых должностей лиц, благодаря которым сельхозартель продолжала деятельность. Их отстранение грозило спровоцировать

15. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 98. Л. 147.

падение уровня коллективизации в селе Брожное, где располагались «Заветы Ильича». В своем письме в ЦК ВКП(б) Миронов попытался заступиться за них: «Если это будет допущено, то в коммуне будет сорвана уборочная кампания и в коммуне останется мало людей, так как руководство в лице т[оварищей] Литвинова и Горбача после переброски прежнего председателя пользуются большим авторитетом, чем это предполагает районное руководство»¹⁶. В данном случае власть персонализировалась не в лице одного председателя, а разделилась между ним и его приближенными. Эта группа сумела организовать работу в колхозе, чем заслужила авторитет среди односельчан.

В заключение следует отметить, что взаимоотношения между председателем и остальными членами колхоза выстраивались в зависимости от степени консолидации колхозников и царившей в коллективе атмосферы. Злоупотребление служебным положением в ущерб окружающим в основном происходило в колхозах, раздираемых внутрисельскими склоками, с низким уровнем сплоченности его членов. И наоборот, доброжелательная атмосфера становилась одним из условий появления в коллективе «своего» председателя. Согласно известному выражению, «короля делает свита», в колхозе наличие хорошего или плохого управленца зависело от окружения. Став во главе колхоза, председатель реализовывал заложенные в коллективе возможности. Если он был спаянный, то руководитель эффективней действовал во благо всего колхоза. В конфликтной среде ему удавалось легче преследовать личные интересы. Но не стоит данную тему сводить только к характеру взаимоотношений между членами колхоза. Председатель как хозяйственный руководитель играл заметную роль. Атмосфера внутри колхоза зависела во многом от действий главы. Если его поступки соответствовали требованиям окружения, такому председателю прощались даже некоторые просчеты. В противном случае могла возникнуть оппозиция, целью которой становилось смещение неугодного председателя. Зачастую так и происходило, если сам руководитель не подавлял конкурентов.

Подобные взаимоотношения характерны для многих трудовых коллективов, и колхозы в этом плане не исключение. Что это дает для понимания колхозного социума 1930-х годов, кроме того, что жизнь в колхозах протекала по вполне характерным для человеческого общества правилам? Адаптация крестьянства к колхозному социуму происходила внутри колхозных коллективов. Ее успешность зависела от данных коллективов и складывавшихся в них взаимоотношений между односельчанами. Фигура председателя находилась в центре всеобщего внимания. Во многом от руководителя зависела царившая в сельхозартели атмосфера, а его действия отражались на каждом отдельном индивиде. Колхозы со «сво-

16. ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 304. Л. 128.

им» главой в большей степени напоминали крестьянскую общину до коллективизации, хотя ошибочно ставить знак равенства между ними. Можно предположить, что в таких колхозах вчерашние крестьяне-единоличники успешней адаптировались к новым социально-экономическим условиям, чем в колхозах, где между председателем и коллективом отсутствовало сотрудничество.

Фигура самого председателя неразрывно связана с коллективом. Он оказывался погруженным во внутриколхозные дела, даже не относящиеся к хозяйственным вопросам. В том числе во взаимоотношения между членами коллектива. Председатели были не просто выходцами из этой среды, их работа предполагала взаимодействие с односельчанами и знание проблем колхозного общества. Подобные условия способствовали коадаптации председателей и колхозного коллектива. Не только крестьяне лучше адаптировались в благоприятной обстановке к новому жизненному укладу, но и председатели, принимавшие на себя руководящую роль в колхозном социуме. Напротив, в конфликтной среде происходил обратный процесс дезадаптации председателей и разложение трудового коллектива, оказывавшегося неспособным как к хозяйственной деятельности, так и к социальному взаимодействию. Выбор модели поведения главы колхоза во многом определял, будет ли процесс его адаптации успешным и примет ли его коллектив. В противном случае в скором времени он, вероятнее всего, снимался с занимаемой должности либо самими колхозниками, либо местными властями. В таком случае следует говорить о дезадаптации председателя и отторжении его коллективом.

Библиография

- Арутюнян Ю. В. (1971). Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль.
- Безнин М. А., Димони Т. М. (2010). Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов // *Российская история*. № 2. С. 25–43.
- Глумная М. Н. (2011). Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х — 1930-е гг.). Вологда: Легия.
- Гущин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. (1975). Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.
- Данилов В. П. (2011). История крестьянства в России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН.
- Зеленин И. Е. (2006). Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука.
- Ивницкий Н. А. (2000). Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М.: ИРИ РАН.
- Изымова Л. В. (2010). Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России). Вологда: ВГПУ.
- Крестьянство Сибири в период упрочнения и развития социализма (1985). Новосибирск: Наука.
- Лапердин В. Б. (2019). Аграрное освоение северных районов Западно-Сибирского края во второй половине 1930-х годов // *Гуманитарные науки в Сибири*. № 1. С. 11–16.
- Фицпатрик Ш. (2001). Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН.

Chairmen of collective farms in Western Siberia in the 1930s: Practices of co-adaptation and maladaptation

Vyacheslav B. Laperdin, PhD (History), Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia.
E-mail: laperdin2011@mail.ru

В. Б. Лапердин
Председатели
в колхозном социу-
ме Западной Сиби-
ри в 1930-е годы...

Abstract. The article considers the role of the collective-farm chairman in the rural society. As the central figure of the collective farm, the chairman largely determined the degree of collective-farmers' consolidation. At the same time, the head of the collective farm was "created" by social environment, and his behavior often reflected the collective-farm atmosphere. After becoming the head of the collective farm, the chairman realized its community's opportunities. In a friendly atmosphere, the head acted effectively for the benefit of all. In case of conflict relations, he could more easily pursue his own interests. The peasantry adapted to the collective farm society within its communities, and successful adaptation depended on the relations between villagers and their head. At the same time, coadaptation of chairmen and collective farm collectives was also determined by social environment. In a favorable environment, both peasants and collective farm chairmen successfully adapted to new living conditions. On the contrary, conflict relations led to the maladaptation of the chairman and disintegration of the labor collective which lost its ability to economic activity and social interaction. The data presented in the article proves the key role of chairmen in collective farm collectives and describes their interaction as reflected at the economic level, in peasants' attitude to the collective farm and in the nature of work and interpersonal communication of collective farmers.

Key words: agrarian history, collective farms, peasantry, collective farm society, chairman, adaptation, Siberia

References

- Arutyunyan Yu.V. (1971). *Sotsialnaya struktura selskogo naselenia SSSR* [Social Structure of Rural Population of the USSR], Moscow: Mysl.
- Beznin M. A., Dimoni T. M. (2010) *Sotsialnaya evolyutsiya verkhushki kolkhozno-sovkhoznogo upravlenstva v Rossii 1930–1980-h godov* [Social evolution of the top-management of collective and state farm in Russia in the 1930s–1980s]. *Rossiyskaya Istoriya*, no 2, pp. 25–43.
- Danilov V. P. (2011) *Istoriya krestyanstva v Rossii v XX veke: izbrannye trudy: v 2 ch.* [History of Peasantry in Russia in the 20th Century. Selected Works: in 2 vols.], Moscow: ROSSPEN.
- Fitzpatrick Sh. (2011) *Stalinskie krestyane: sotsialnaya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e godi: derevnya* [Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization], Moscow: ROSSPEN.
- Glumnaya M. N. (2011) *Stanovlenie i razvitie upravlencheskogo apparata kolkhozov Evropejskogo Severa Rossii (konets 1920-h–1930-e gg.)* [Formation and Development of the Collective-Farm Administration in the European North of Russia (Late 1920s–1930s)], Vologda: Legia.
- Gushchin N.Ya., Kosheleva E. V., Charushin V. G. (1975) *Krestyanstvo Zapadnoi Sibiri v dovoennyye gody (1935–1941)* [Peasantry of Western Siberia Before the War (1935–1941)], Novosibirsk: Nauka.
- Ivniitsky N. A. (2000) *Repressivnaya politika sovetской vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [Repressive Policy of the Soviet State in the Village (1928–1933)], Moscow: IRH RAS.
- Izyumova L. V. (2010) *Stratifikatsiya kolkhoznogo derevni v 1930–1960-e gg. (po materialam Evropejskogo Severa Rossii)* [Stratification of the Collective-Farm Village in the

- 1930s–1960s (On the Materials from the European North of Russia)], Vologda: VSPU.
- Krestyanstvo Sibiri v period uprochneniya i razvitiya sotsializma* (1985) [Siberian Peasantry under the Strengthening and Developing Socialism], Novosibirsk: Nauka.
- Laperdin V. B. (2019) Agrarnoe osvoenie severnykh rajonov Zapadno-Sibirckogo kraja vo vtoroj polovine 1930-h godov [Agrarian development of the northern areas of the West Siberian Region in the second half of the 1930s]. *Humanities in Siberia*, no 1, pp. 11–16.
- Zelenin I. E. (2006) *Stalinskaya “revolutsiya sverkhu” posle “velikogo pereloma”, 1930–1939: politika, osushchestvlenie, rezulaty* [Stalin’s “Revolution From Above” After the “Great Turning Point”, 1930–1939: Policy, Implementation, Results], Moscow: Nauka.